

политике, в особенности на рубеже 1948/49 гг. Меркль в книге «Возникновение Федеративной Республики» исходит из того, что речь Хундхаммера должна была быть лишь тактической игрой по сбитию с толку в ущерб БП [13, 70], ему по праву возражают Унгер [14, 186] и Кок [12, 186]. О том, что при этом население ни в коем случае не было так принципиально настроено против Основного закона, как это желали представить некоторые политики, но также большое число средств массовой информации, свидетельствует репрезентативный опрос, который американская военная администрация позволила провести 26 июля 1949 г.: около 25% опрошенных высказалось за Основной закон, только 8% выступило против и 66%(!) не имело мнения. Об почти ужасающем равнодушии населения к конституционно-политическим процессам свидетельствует также то, что из 1 400 опрошенных в июле полагали, что Основной закон еще обсуждают или еще будут обсуждать. 8 мая 1949 г. Основной закон был принят в Бонне 53 из 65 депутатов; нет сказали (из федералистских соображений) 6 из 8 депутатов ХСС, а также представители КПП, НП и Центра. Для вступления в силу необходимо было в большинство в 2/3 в земельных парламентах, и, кроме того, встал вопрос о том, чтобы ХСС большинством голосов, отклонил одобрение основного закона в ландтаге (10, 22). Для Эхарда было важно провести его пароль «Нет Основному закону, да - Германиии!». Он это делал не только посредством инициируемого им острого заявления MG (Military Government), он также угрожал фракции ХСС своей отставкой в случае отказа повиноваться. 13 мая еще раз последовала угроза отставки. Когда потом после 15- часовых прений в ранние утренние часы 20 мая дошло до голосования, баварский ландтаг 101 голосом против 63 (при 9 воздержавшихся) отклонил основной закон, но признал юридическую обязательность для Баварии 97 голосами «за», «против» 6 и 70 воздержавшихся. То, что было единодушно внесено в MG (военную администрацию) предложение о народном опросе об Основном законе,

носило символический характер. ВА уже перед данным ходом ХСС объявила о своем отклонении от этой идеи [2, 199].

Таким образом, в процессе разработки Основного закона ФРГ Христианско- социальный союз учитывал и последовательно отстаивал баварские интересы, предлагал федералистскую концепцию, не нашедшую поддержку в момент принятия итоговых решений. Вместе с тем был накоплен ценный опыт правотворчества, которое займет важное место в деятельности партии на региональном и федеральном уровнях после образования ФРГ.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Arhiv für Christlich-Soziale Politik (далее:ACSP), Druckschrift (далее:DS)
2. Mintzel, Alf.Geschichte der CSU. Ein Überblick.Opladen, 1977.
3. Mintzel, Alf. Die CSU, Anatomie einer konservativen Partei. Opladen, 1978.
4. Ehard Hans. Freiheit und Föderalismus, München, 1947.
5. Ehard Hans. Die geistigen Grundlagen des Föderalismus. München, 1968.
6. Stelzle, Walter, Föderalismus und Eigenstaatlichkeit. München, 1980.
7. Barbara Fait. Die Anfänge der CSU 1945-1948. München, 1995.
8. Hussarek, Paul, Hundhammer. Weg des Menschen und des Staatmannes, München, 1957.
9. Schlemmer, Thomas, Aufbruch, Krise und Erneuerung. München, 1998.
10. Die politische Ordnung in Deutschland. München, 2000.
11. Франц Йозеф Штраус. Воспоминания. М., 1991.
12. Kock Peter Jakob, Bayerns Weg in die Bundesrepublik. München, 1988.
13. Merkl, Peter H., Die Entstehung der Bundesrepublik Deutschland. Stuttgart, 1968.
14. Unger, Ilse, Die Bayernpartei. Stuttgart, 1979.

УДК (4-014) (091)

Петровская О.В.

ПРОБЛЕМЫ РЕФОРМИРОВАНИЯ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ БОЛГАРИИ В ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД (1989-2003 ГГ.)

Анализируя ход и проблемы реформирования высшего образования Болгарии в конце XX века, следует учитывать, что переход к новой экономике и правовому государству, начавшийся в 1989 году, оказался для болгар неожиданным и резким, поскольку он не был естественным результатом борьбы с предыдущей системой. В отличие от многих других стран со схожей социально-экономической системой, социализм никогда не воспринимался основной массой населения как чуждое явление, а трансформация социально-экономической структуры началась извне – как следствие распада СССР и социалистического блока, а также инициативы Болгарской коммунистической партии. Данный фактор определил особенности переходного периода в Болгарии и отличительные черты трансформации социокультурной сферы. С другой стороны, в отличие от ряда соседних балканских стран, у болгар не было еврофобии. В 1996 году Болгария стала кандидатом в члены ЕС. Следовательно, существенной предпосылкой модернизации болгарской высшей школы по-

сле 1989 года явилась необходимость ее адаптации к европейской системе высшего образования.

Оценивая более чем десятилетний период реформирования высшей школы в Болгарии, можно заметить, что, во-первых, модернизация законодательства в области высшего образования, как правило, проводилась под давлением общественности и становилась реакцией на ее активные требования. Во-вторых, существенное влияние на формирование законодательной базы оказали политические изменения в стране, проявившиеся в ослаблении и усилении центральной власти. Дело в том, что для политической жизни Болгарии переходного периода, которая шла сепаратно от процессов экономических, характерна большая нестабильность: после 1989 года сменилось уже девять правительств. В этих условиях представляется понятным то, что, и законодотворческий процесс в сфере высшего образования оказался подвержен значительным колебаниям.

Петровская Оксана Васильевна, к.и.н., доцент каф. всеобщей истории и истории мировой культуры Брестского государственного университета им. А.С. Пушкина, докторант кафедры новой и новейшей истории Белорусского государственного университета.

Беларусь, БрГУ, 224665, г. Брест, бульвар Космонавтов, 21.

Таблица 1. Динамика численности студентов и преподавателей в болгарских вузах

	1988/89	1990/91	1991/92	1995/96	1997/98	1998/99	1999/00
Численность преподавателей	17759	20716	20940	22228	19416	22072	24368
Численность студентов	126964	151510	151 597	223260	234182	245237	239769
Число студентов в расчете на одного преподавателя	7,14	7,31	7,23	10,04	12,06	11,11	9,83

В развитии системы высшего образования Болгарии после 1989 года отчетливо выделяются два периода. Первый, - продолжавшийся до середины 1990-х годов - характеризовался демократизацией и либерализацией. Второй этап, начало которому положили изменения в законодательстве 1995 года, отмечен возвращением к тотальному государственному регулированию высшей школы, подчинению вузов администрации министерства.

Закон об академической автономии, принятый Народным Собранием в начале 1990 года, был инициирован академической общественностью [1]. В соответствии с новым законодательным актом были внесены изменения в действовавший Закон о высшем образовании 1958 года. Основным последствием Закона об академической автономии можно считать резкое снижение уровня партийного и административного регулирования высшей школы, что, в результате, привело к неопределенности в отношениях между вузами и государством на практике. Так, согласно закону, вузы получили права изменять свою организационную структуру, в том числе, создавать новые факультеты и филиалы (ст. 3.1), самостоятельно определять формы сотрудничества с другими вузами (ст. 3.14), вступать в договорные взаимоотношения с государством и другими организациями (ст. 3.6). Принцип автономии материализовался также в финансовой самостоятельности вузов (ст. 3.10).

Закон положил начало радикальным переменам в системе высшего образования, наиболее заметные из которых выразились в экспансии высшей школы, проявившейся в увеличении количества высших учебных заведений, специальностей, студентов, внутренних структур и инфраструктур вузов. Динамику развития студенческого контингента отражают данные таблицы № 1. Увеличение студентов в системе высшего образования Болгарии было обусловлено расширением квоты приема в вузы, продолжавшимся вплоть до 1996 г. Так, в 1995/96 уч. году в вузы было принято в 2 раза больше студентов, чем в 1988/99 (58313 против 29395) [2, 8; 3, 403].

Вместе с тем, можно обнаружить, что процессы количественного роста высшей школы Болгарии имели свою специфику в сравнении с другими странами Центральной и Восточной Европы. Во-первых, по числу студентов на 100000 человек населения (2894) Болгария не достигла показателей Европейского сообщества и таких стран как Россия (3846), Польша (4641), Словения (4975) [4]. Во-вторых, расширение сети вузов и возрастание числа студентов шло не так бурно как, например, в Румынии или Польше. До середины 1990-х годов в Болгарии появилось всего пять новых высших и два неполных высших учебных заведения. В-третьих, численность вузов возросла только за счет появления частных вузов, тогда как количество государственных высших учебных заведений осталось прежним – 37. В настоящее время из 12 существующих в Болгарии университетов треть (4) составляют частные. Вместе с тем, нельзя признать, что частное обучение стало значимым компонентом системы высшего образования в Болгарии. Так, в течение всего переходного периода количество студентов в вузах этого типа не составляло более 8-10 % общей численности студенчества [5, 6-7].

Таким образом, особенностью развития высшей школы Болгарии в переходный период стало то, что увеличение количества студентов шло не за счет открытия новых вузов, а за счет расширения профиля и внутренних структур (факульте-

тов, кафедр) и инфраструктур (филиалов, пунктов обучения за рамками вузов) государственных высших учебных заведений сформированных в дотранзитивный период.

На наш взгляд, можно выделить две основные причины, определившие стремление болгарских вузов к структурно-количественным изменениям. Во-первых, - резкое снижение финансирования из бюджетных средств, обусловленное особенностями перехода к рыночной экономике. Среди стран Центрально-Восточной Европы Болгария пережила наиболее глубокий трансформационный кризис. Даже к концу XX века страна не достигла уровня валового национального продукта, отмеченного в начале переходного периода (66% от показателя 1989 г.) [6, 121]. Таким образом, высшие учебные заведения, попавшие в полосу материального кризиса, вынуждены были искать пути выживания за счет расширения спектра платных образовательных услуг.

Во-вторых, - повышение спроса на высшее образование, обусловленное ограничением доступа к высшему образованию при социализме, ментальностью болгар с их глубоким уважением к образованным людям, стремлением сохранения средним классом социального статуса, возможностью оттянуть время начала трудовой деятельности и другими причинами. Влечение к получению высшего образования в Болгарии не остановила и необходимость оплаты за обучение в условиях снижения уровня жизни. Так, результаты социологического опроса конца 1990-х годов показали, что численность семей, имеющих более низкий доход по сравнению с 1989 г., увеличилась в 10 раз [7, 59]. При этом в 1997/98 уч. году соотношение студентов на бюджетных и платных местах составляло 50,6% к 49,4%, то есть каждый второй студент платил за обучение [8, 32].

Однако анализ применения Закона об академической автономии позволяет сделать вывод о том, что высшие учебные заведения Болгарии, вынужденные приспосабливаться к экономическим условиям, взялись за разработку и преподавание новых курсов и учебных дисциплин, не имея достаточных финансовых возможностей и специалистов. Поскольку в этот период, согласно Закону об автономии, государство заняло позицию пассивного наблюдателя, новые вузы, факультеты и специальности были легализованы в условиях отсутствия четких критериев деятельности даже для существующих. В итоге, недостаток финансовых средств обострял такие традиционные проблемы болгарской системы высшего образования, как слабая материальная база, нехватка учебной литературы и т.д. Доходы от продажи образовательных и научных услуг не покрывали затраты на повышение заработной платы преподавателям и расширение инфраструктуры. Так, например, в Русенском техническом университете в 1995 г. доля средств, полученных вне рамок государственного бюджета, составляла 27,6%. Из них только 14,3% составила плата за обучение [9, 33].

Несмотря на то, что в 1990-е годы, соотношение количества студентов в расчете на одного преподавателя в Болгарии на фоне остальных государств Центральной и Восточной Европы выглядело наиболее благоприятным (см. таблицу № 1), на экономических факультетах этот показатель составлял 30:1, а на юридических - 45:1 [10, 95]. Особенно остро недостаток штатного преподавательского состава ощущали частные вузы. Снижению академических стандартов способствовали также либерализация системы отбора в вузы, и подрыв

принципа соединения обучения и научных исследований. Следовательно, Закон об автономии привел к появлению образовательных услуг, не отвечающих качеству, которое, по мнению общественности, должны были иметь вузы. В итоге, попытка предоставления законодательной гарантии прав автономии и академической свободы в Болгарии в первой половине 1990-х годов провалилась.

Против расширения приема в вузы, с призывами выработки критериев качества обучения и ценности диплома, выступили чиновники Министерства образования науки и технологии, руководство государственных вузов, преподаватели ставших непрестижными специальностей, студенты-бюджетники и их родители. Недовольство отсутствием равного доступа к высшему образованию проявляли и те, кто платил за обучение. Призывы с требованиями вмешательства государства в функционирование системы высшего образования отражали настроения болгарского общества, для которого государство продолжало оставаться гарантом социальной справедливости. Так, более 49% болгарских респондентов во второй половине 1990-х годов в реализации надежд на социальную справедливость продолжали рассчитывать на государство [7, 55].

Требования государственного регулирования системы высшего образования были поддержаны пришедшей в 1994 г. к власти Болгарской социалистической партией (бывшая БКП). Министерство образования, науки и технологии начало предпринимать шаги по установлению единых государственных требований к приему студентов, стандартов присуждения дипломов о высшем образовании, а в 1995 г. предложило проект нового Закона о высшем образовании, в котором особое внимание было уделено вопросам обеспечения качества, оценки и аккредитации. Высказать свое мнение по предлагаемому изменению в законодательстве получило возможность все академическое сообщество. В итоге, Народным Собранием 12 декабря 1995 г., в первом чтении, был принят Закон о высшем образовании, предоставивший государственным органам функцию контроля высшей школы [11].

Новый Закон о высшем образовании 1995 г. закреплял диверсификацию образования, подтвердив возможность существования как государственных, так и частных вузов (ст. 12, 14), сохранял за вузами определенную автономию, предоставив им право самостоятельного определения научно-педагогического состава, выбора форм обучения, определения учебных планов (ст. 21). Вместе с тем Закон поставил под контроль государства открытие новых образовательных структур, ввел единые государственные требования к содержанию учебных программ, государственный регистр специальностей, обязательную аккредитацию учреждений высшего образования (ст. 9,11). Согласно закону, прерогативой государственных органов также стало распределение бюджетных средств и определение ежегодной квоты набора студентов, размера платы за обучение и стипендий (ст. 8,9).

Законодательное ограничение автономии высшей школы в области институциональной реорганизации и финансирования имело существенные последствия.

Во второй половине 1990-х годов Министерство образования и науки (МОН) начало сокращать структурные единицы системы высшего образования. Так, была поставлена цель - сохранить обучение юристов только в трех вузах вместо девяти [12, 11]. В 1999/2000 уч. году был закрыт частный Славянский университет в Софии [13]. Отмена Законом о высшем образовании 1995 г. налоговых льгот для коммерческих и общественных организаций, поддерживающих высшую школу, создала препятствия для создания новых вузов и развития частного сектора высшего образования.

С 1997 г. отчетливо стала проявлять себя тенденция демассовизации высшего образования, поскольку государственные органы в соответствии с предоставленным законом пол-

номочиями приступили к сокращению приема студентов в высшие учебные заведения. Так, если в 1997/98 уч. году на первый курс вузов было принято 51606 человек, то в 1998/99 – 49129, а в 1999/2000 – лишь 42706. Численность первокурсников, принятых в 2000/01 уч. году была на 22,07% меньше чем в 1997/98 [5, 7,17; 14, 373; 10, 59].

Сокращение студентов объясняется ограниченными возможностями бюджетного финансирования системы высшего образования. Кроме того, с 1995 г. вузы были лимитированы в получении альтернативных доходов, поскольку количество мест приема студентов и размер платы за обучение устанавливались МОН, а отсутствие налоговых льгот не делало систему высшего образования привлекательной для коммерческих организаций. Необходимо отметить, что в 1999 г. в законодательство были внесены поправки об обязательной плате всех студентов за обучение в вузе. Размер оплаты за обучение был поставлен в зависимость от престижности вуза и направления обучения, но не мог превышать 30% реальных затрат. Следовательно, стоимость высшего образования для болгар носит достаточно символический характер. Так, определенная Советом министров в 2000/01 уч. году годовая плата колебалась от 160 левов (соотношение доллара США к леву 1:2) на экономических специальностях до 240 левов на специальностях здравоохранения и искусства [15, Прил. № 1] и была сопоставима со среднемесячной заработной платой государственных служащих. О том, что подобные суммы далеко не покрывают стоимость обучения, свидетельствует размер платы, установленный для иностранных студентов. Так, таксы для иностранцев составляли в том же году в зависимости от специальности 1800 – 4000 долларов США [15, Прил. № 5].

Таким образом, сохраняя определенные социальные гарантии на получение высшего образования, государство стало основным источником финансирования высшей школы. Распределение бюджетных средств между вузами было поставлено в зависимость от численности студенческого контингента, взаимоотношений между руководством вузов и МОН, политического лоббирования. Кроме того, оно носит «исторический» характер, то есть опирается на практику предшествующих лет. При этом механизм деления средств между отдельными вузами остается актуальной для республики проблемой. Анализ финансовой политики показывает снижение реального уровня финансирования вузов, что ведет к ослаблению материальной базы и возможностей научных исследований.

В определении количества мест по вузам и специальностям МОН руководствовалось двумя критериями: общественными потребностями в специалистах с высшим образованием и демографическими прогнозами. Заметим, что Закон о высшем образовании 1995 года в качестве основной цели высшего образования вновь вернул «подготовку высококвалифицированных специалистов» (ст. 2), сохранив, таким образом, установки социалистического периода, растворяющие личные интересы в общественных. Следовательно, системе высшего образования законодательно была определена роль источника кадровых ресурсов для потребностей экономики, но не средства построения образованного общества.

Однако прогнозирование специальностей в болгарских условиях осложняется тем, что развитие образования идет в хаотичной экономической и политической обстановке. Следует учитывать и тот факт, что отличительной чертой болгарской экономики является высокий уровень безработицы. Несмотря на то, что в настоящее время удельный вес безработных с высшим образованием меньше (16,2% в 2000 г.), чем у обладателей других образовательных степеней, существует проблема скрытой безработицы, когда специалисты вынуждены выполнять работу гораздо ниже того уровня квалификации, который имеют. К тому же явно заметен экспортный вариант развития высшей школы Болгарии. В 1990-х годах из страны ежегодно уезжало 45-65 тысяч человек [6, 66]. По неофициальным дан-

ным из 700000 человек, покинувших страну до конца 1999 г., 500000 имели высшее образование [16, 39].

Очевидно, что в обстановке ограничения количества мест в вузах, на смену практике широкого доступа начала 1990-х годов вернулась старая система отбора абитуриентов с обязательными вступительными экзаменами на все специальности, несмотря на то, что эта политика не особенно приветствовалась небольшими периферийными университетами, борющимися за привлечение студентов. Виды и количество вступительных экзаменов по конкретным специальностям с середины 1990-х годов устанавливаются в соответствии с Едиными государственными требованиями приема, ежегодно утверждаемыми Советом министров. Правда, на фоне негативной демографической ситуации, характеризующейся неуклонным сокращением численности выпускников средних учебных заведений (в 1995 г. средние учебные заведения окончили 92888, а в 1999 г. – 81547 человек), показатель доступности высшего образования для молодежи 19-23 лет в Болгарии на средневропейском фоне можно оценить благоприятно [14, 368-370]. По данным Национального статистического института удельный вес учащихся данной возрастной группы в вузах вырос с 18,8% в 1994/95 до 23,2% в 1999/2000 уч. году [17]. Однако потребностей населения уровень доступа к высшему образованию явно не удовлетворяет. Так, по сведениям Счетной палаты в 1997/1998 учебном году 24 из 29 университетов превысили установленную им государством квоту приема [8, 32]. Были выделены дополнительные платные места сверх установленного лимита и в 1999 году, несмотря на то, что, расширяя рамки приема студентов, вузы рисковали быть наказанными со стороны государственных органов [10, 21]. Особенно заметно несоответствие потребностей населения и количества мест, определяемых МОН для абитуриентов на специальностях, связанных с экономикой, медициной, общественными науками, правом, информатикой. В установленной квоте мест приема студентов в последние годы преобладают экономика, управление и инженерно-технические специальности. Государственная политика по поддержанию стабильной квоты для студентов технических специальностей исходит из того, что в условиях будущей стабилизации и приватизации промышленности потребность в инженерах будет возрастать. Однако негативным последствием болгарской системы отбора молодежи в вузы является то, что студенты вынуждены учиться на мало желанной специальности, которая определяется количеством набранных вступительных баллов в процессе конкурса. Отсутствие мотивации, в свою очередь, снижает интерес к учебе и успеваемость студентов. Следствием болгарской практики формирования студенческого контингента в соответствии с социально-экономическими потребностями является также явная дискриминация доступа в вузы отдельных социальных групп: женщины, инвалидов, людей старшего возраста, представителей этнических меньшинств (цыган и турок). По нашему мнению, причины диспропорций кроются не только в государственной политике, но и в ментальных конструкциях социалистического тоталитарного сознания, в которых человек продолжает оставаться материалом для развития общества.

Бесспорно, что государственная политика ограничений при приеме в вузы, ориентации на специальности, которым отдавалось предпочтение в социалистический период развития высшей школы, не соответствует ожиданиям Евросоюза, куда стремится Болгария. Затруднения в унификации болгарской и международной систем образования вызывают также уровень мобильности студентов, горизонтальная и вертикальная диверсификация обучения. В частности, узкоспециализированные учебные программы, основанные на принципе передачи студенту определенного количества фактологических знаний, необходимых для выполнения своих профессиональных обязанностей традиционны для Болгарии. Модель узкой

специализации была введена в Болгарии после 1947 г., вопреки сопротивлению наиболее видных представителей академической среды [18, 431-432]. В результате, к середине 1990-х годов подготовка специалистов велась более чем по 600 специальностям [19, 71]. Государственный регистр специальностей, разработанный в 1997 г. сократил количество специальностей до 200, распределив их в 10 образовательных областях и 51 профессиональном направлении [20]. Однако узкая специализация в горизонтальной диверсификации обучения была сохранена. Например, в профессиональном направлении «экономика» зафиксировано 24 специальности. Анализ регистра показывает, что он ориентируется, фактически, на магистерские специальности, а не на более широкие бакалаврские. В то же время, обучение в научном направлении, не обозначенном в Государственном регистре, практически невозможно. Акцент на профессиональную, специализированную подготовку кадров в высшей школе в определенной степени соответствует современному этапу развития болгарской экономики, в которой долгое время преобладал государственный сектор, а интенсивность труда и трудовые навыки со времени социализма значительно не изменились. Так, в 1996 г. в частную собственность перешло лишь 4% государственных материальных активов, и только с 2000 г. частный сектор стал фактором в динамике экономики [21, 55-56]. Однако узкая специализация создает существенные препятствия для специалистов в условиях безработицы. По данным министерства образования наибольший уровень безработной молодежи до 30 лет был зафиксирован среди лиц, которые имели специальности экономика и управление (32,83%), общественные и гуманитарные науки (18,42%), инженер (18,6%), учитель и воспитатель (14,0%) [10, 120].

Вертикальная диверсификация высшего образования по трем образовательным уровням была осуществлена в Болгарии еще до подписания Болонской декларации. Закон о высшем образовании 1995 года ввел две образовательные степени: бакалавр и магистр. Кроме того, дополнением к новому делению на образовательные степени стало включение неполного высшего образования в структуру высшего. Законом 1995 года колледжи (новое название неполных высших учебных заведений) получили право присваивать степень специалиста, предшествующую бакалавру, а поправки 1999 года к Закону о высшем образовании создали основу для интеграции уровня специалистов в систему высшего образования [22, чл. 42.5].

Однако формирование новой структурной трехступенчатой модели на практике вызвало много проблем, обусловленных целым рядом причин. Прежде всего, отсутствием ясной концепции содержания трехступенчатой структуры обучения в болгарском законодательстве. Так, до 1999 г. содержание степеней в нормативных документах не было определено, но законодательно ограничивалась инициатива учреждений образования в формировании новой идеи обучения в высшей школе. Единые государственные требования к подготовке специалистов с высшим образованием в ряде случаев доводили минимум учебного содержания до 90% учебного времени. Важным обстоятельством осложнившим, на наш взгляд, реорганизацию обучения в высшей школе Болгарии явилось также то, что трехступенчатая структура обучения вводилась административными методами. Ее необходимость не была осознана академическим сообществом. Более того, она начала восприниматься как грубое вмешательство государства в систему высшего образования и механическое применение чужого опыта. В частности, значительная часть преподавателей государственных вузов при опросе выразила мнение, что бакалавриат принадлежит другим культурным моделям и не подходит для Болгарии [23, 25]. В результате учебные планы, по которым предполагалось обучать бакалавров, были подвергнуты лишь формальной реконструкции. Содержание, формы, методы и технологии обучения практически не изменились [24, 14-15]. Ситуация

осложняется тем, что основная масса студентов стремится к получению степени магистра, поскольку в массовом сознании бакалаврская степень не считается престижной и не ассоциируется с высшим образованием [23, 28]. Не осознают существенных различий между квалификацией и навыками бакалавров и магистров и болгарские работодатели. После того, как юридические и медицинские факультеты добились утверждения пятилетних магистерских программ, подобные требования начали выдвигать и представители других специальностей. Только новые частные вузы, подобные Американскому университету в Благоевграде, пытаются реализовать концепцию двухступенного обучения, проводя четкую линию между программами бакалавров и магистров.

С определенностью можно утверждать, что возможности мобильности учащихся, как во внутривузовской, так и межвузовской сфере в постсоциалистический период были расширены. Законодательно в 1990 г. было разрешено обучение одновременно по двум специальностям, а статья 70 Закона о высшем образовании 1995 года не ограничила число параллельных специальностей. Однако перегруженность обязательных программ не способствует получению второй параллельной специальности.

Более того, вопрос о том, кто должен нести ответственность за выбор факультета, специальности, образовательной степени – вуз или студент – остается в Болгарии открытым, поскольку сохраняются элементы жесткой «социалистической» системы прикрепления студента к определенной специальности вне зависимости от его желания. Так, многие вузы продолжают опираться на старые правила, запрещающие студентам вновь участвовать во вступительном конкурсе [25, чл. 9.1; 26, чл. 5.2]. Вероятность приобретения второго высшего образования сохраняется только через заочную форму обучения [27, чл. 4.2; 25, чл.10] и т. д. Крайне затруднена возможность получения магистерской степени по специальности, отличной от полученной в бакалавриате. Парадокс заключается в том, что можно поступить в магистратуру независимо от полученной специальности, но нельзя получить степень магистра без освоения определенного количества дисциплин и часов бакалаврского профиля. Притом, что теоретически возможности перехода с одной специальности на другую существуют, сам перевод сопряжен множеством требований. В целом, анализ нормативных документов вузов показывает, что программы частных вузов более открыты в направлении сотрудничества со студентами, которые хотят изменить направление обучения или повысить квалификацию. Частные вузы, таким образом, имеют больше предпосылок для европейской интеграции в области высшего образования. Только здесь (Новый болгарский университет и Американский университет в Благоевграде) применяют систему зачетных единиц – ECTS (European Credit Transfer System). Вместе с тем следует учитывать и то, что мобильности студентов препятствуют и особенности социальной психологии болгар. По данным социологических исследований у болгарской молодежи нет пристрастия к свободе, что объясняется элиминацией за период тоталитаризма установок на право личного выбора [28, 114].

Представляется, что основными факторами, препятствующими интеграции Болгарии в европейскую систему высшего образования, являются также сохранение традиционных моделей администрирования, внутренней организации высшей школы, учебного процесса, присвоения научных степеней и званий. Согласно болгарскому законодательству отклонение от замкнутой традиционной структуры (факультеты, кафедры) могут допускать то, что профессорам не оплачивается индивидуальное наставничество и руководство, а также консерватизм преподавателей в подходах к реформированию высшей школы [8, 17]. Последнее обстоятельство, во многом, определяется возрастным составом болгарского академиче-

ского сообщества. Так, в среде преподавателей вузов доминируют лица старше 50 лет. 37,5% профессоров старше 65 лет [10, 96]. Внешней и внутренней миграции молодых научных кадров из системы высшего образования способствуют низкая заработная плата и медленная система карьерного роста. Дело в том, что в Болгарии продолжает действовать Закон о научных степенях и званиях 1972 года, с незначительными изменениями. В нем сохраняются положения, согласно которым диссертационные труды должны быть «связанны с нуждами социалистического развития страны» (ст. 5.1 и 16.1), а претенденты на научные звания – обладать соответствующими «политическими и моральными качествами» [29]. В Народном Собрании XXXVIII созыва (1997-2001) выдвигался законопроект, ставивший цель адаптировать присвоение научных степеней и званий к новым условиям функционирования системы высшего образования. Однако он не был принят, из опасения того, что либерализация процедуры может снизить критерии присвоения научных званий.

Тем не менее, кадровый потенциал пока еще остается сильной стороной болгарской системы высшего образования, о чем свидетельствует удельный вес профессоров, увеличившийся с 24,7% в 1990/91 уч. году до 36,5% в 2000/01 [10, 98].

Таким образом, в Республике Болгария идет активный поиск оптимальной концепции высшего образования, как в структурном, так и в содержательном аспекте. Реалии переходного периода обусловили колебания в принятии решений и неоднозначность результатов. Тому факту, что система высшего образования, в период резкой ломки социально-экономической системы и массового отрицания опыта тоталитарного режима, не была разрушена, не пришла в состояние хаоса и сохранила способность выполнять функцию модернизации общества, как представляется, во многом способствовала консервативная позиция академического сообщества. Осознавая, что от степени решения проблем высшей школы, зависит конкурентоспособность в ЕС, в процессе освоения европейского пространства высшего образования, болгары стремятся избежать слепого копирования зарубежных образцов и пытаются сохранить устоявшиеся традиции. То обстоятельство, что болгарская система высшего образования в Центрально-Восточной Европе была в наибольшей степени приближена к советской, повышает ценность использования как негативного, так и позитивного опыта этой страны в реформировании высшей школы Беларуси на современном этапе.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Закон за академична автономия на висшите учебни заведения // Държавен вестник . 1990. № 10. 2 февруари.
2. Висше и полувисше образование. 1995/1996 учебна година. Национален статистически институт София: Статистическо издателство и печатница, 1996.
3. Статистически годишник на Народна република България. 1989. София: Централно статистическо управление, 1990.
4. Number of students, teaching staff in countries of Central and Eastern Europe (academic year 2001 - 2002) // Statistical Information on Higher Education in Central and Eastern Europe // http://www.cepes.ro/information_services/statistics.htm
5. Висше образование 1997/1998 учебна година. Национален статистически институт. София: Статистическо издателство и печатница, 1998.
6. Regional and Territorial Aspects of Development in the Danube Countries with Respect to Impacts on the European Union. Brussels: D. G. Regional Policy, European Commission, 2000.
7. Vladimirov Z., Todorov T., Kacarski I. Bulgaria in the circle of anomie // Comparative anomie research. Brookfield, 1999.

8. Тотоманова А.-М. Планиране и финансиране на висшето образование в България // Стратегии на образователната и научната политика. 1998. Г. VI. № 4. С.30-40.
9. Slavova P. Bulgaria: The University of Ruse – Institutional Change in the Bulgarian Context // Ten Years After and Looking Ahead: A Review of the Transformations of Higher Education in Central and Eastern Europe. Bucharest: UNESCO/CEPES, 2000.
10. Georgieva P., Todorova L., Pilev D. Higher Education in Bulgaria. Bucharest: UNESCO/CEPES, 2002.
11. Закон за висшето образование // Държавен вестник. 1995. № 112. 27 декември.
12. Наука и висше образование: автономия, акредитация, пазар. Кръгла маса // Стратегии на образователната и научната политика. 1996. Г. IV. № 4. С. 1-62.
13. Решение за закриване на Славянския университет // Държавен вестник. 1999. № 24. 16 март.
14. Статистически годишник. 2000. С данни за 1999 година. Република България. Национален статистически институт. София, 2000.
15. Годишни такси за обучение на студентите, приети през учебните 1999-2000 г. и 2000-2001 г. Постановление № 112 от 23 юни 2000 за определяне на таксите за кандидатстване и обучение в държавните висши училища за учебната 2000-2001 г. // Държавен вестник. 2000. № 53. 30 юни.
16. Димитров Д. К. Стратегия за развитие на аграрното образование в България // Стратегии на образователната и научната политика. 2000. Г. VIII. № 3. С.35-45.
17. Нетен коефициент на записване на учащите по степени на международната стандартна класификация на образованието (ISCED-97) // Национален статистически институт. Информация за учебните заведения, преподавателите и учащите се по степен на международната стандартна класификация на образованието (ISCED-97) // <http://www.nsi.bg/SiteMap/SiteMap.htm>
18. Чичовска В. Политиката срещу просветната традиция. София: Университетско издателство «Св. Климент Охридски», 1995.
19. Апогослов А., Георгиева П. Поглед върху акредитацията на висшите училища у нас // Стратегии на образователната и научната политика. 1997. № 4. С.71-75.
20. Държавен регистър на специалностите по образователно-квалификационни степени // Държавен вестник 1997. № 24. 21 март.
21. Централно-Восточная Европа во второй половине XX века. В 3 т. Т. 3. Трансформации 90-х годов. Ч.2. М.: Наука, 2002.
22. Закон за изменение и допълнение на Закона за висшето образование // Държавен вестник. 1999. № 60. 2 юли.
23. Сланчева С. Въвеждането на бакалавърската степен в българските университети: трудности и предизвикателства // Стратегии на образователната и научната политика. 2000. Г. VIII. № 2. С. 17-30.
24. Павлов Д. Бакалавърската степен – реалности и стратегии // Стратегии на образователната и научната политика. 2000. Г. VIII. № 2. С.13-16.
25. Справочник 2003. Наредба № 1 за приемане на студенти във висшето транспортно училище «Тодор Каблешков» - гр. София за учебната 2003/2004 година // http://www.vtu.bg/adm_book/priem_bak03
26. Правилник за приемане на студенти в Икономически университет – Варна за учебната 2003-2004 година // http://www.ue-varna.bg/ksp/allksp/index_bg.html
27. Русенски университет "Ангел Кънчев". Правила за приемане на студенти в Русенския университет през учебната 2003/2004 година // <http://www.ru.acad.bg/kst03/contents.php>
28. Попова В. Преходът - свобода или равенство ? // Преходът в България през погледа на социалните науки. София , 1997. С.105-115.
29. Закон за научните степени и научните звания // Държавен вестник. 1972. № 36. 9 май.

УДК 94(476): 94(497.1)

Малащук П.В.

БЕЛОРУССКО-ЮГОСЛАВСКИЕ КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ В 1950 – 1990 ГГ.

В совокупности разнообразных форм дружественных связей между славянскими народами, которые составляют одну из самых больших этнически-культурных групп человечества, важную роль всегда играли культурные связи. Предмет исследования настоящей статьи: цели и масштабы белорусско-югославских связей в 1950 – 1990 гг.

Отдельные аспекты предмета исследования освещали в ряде своих публикаций: В.Г. Шадурский, И.А. Чарота, Н.К. Дягиль, Г.П. Тваранович, Э.А. Лейкин и др. Особо следует отметить монографию Л.П. Мирочицкого «Беларуска-югаслаўскія культурныя і навуковыя сувязі», изданную в 1992г., в которой автор подробно анализирует связи и взаимодействия культур белорусского и югославского народов, существовавшие на протяжении длительного исторического периода. Так как рассматриваемое исследование было начато задолго до его публикации, оно не лишено некоторых подходов, существовавших в советский период: излишне оптимистическая оценка результатов сотрудничества, отсутствие достаточного анализа трудностей двусторонних контактов [1]. В попытке системной реконструкции белорусско-

югославских культурных связей в указанный в заглавии период с позиции нового исторического подхода и состоит научная новизна статьи.

Системная реконструкция предполагает рассмотрение культурных связей как системного понятия. Опорной для данного понятия является категория «культура». Логическая структура этой категории представляет каркас исследования. Для выяснения указанной структуры важно вначале провести неэмпирическую, а затем эмпирическую дефиницию культуры. Формулировка первой дефиниции такова: «Духовное содержание человеческой деятельности, социальной организации и познания, которые проявляются в национальных, самобытных типах экономики, правосознания, религии, теоретических и практических знаний, освященных традицией, культом и моральными императивами». Согласно эмпирического определения, «культура – совокупность реальных и потенциальных ценностей, которые создаются людьми в процессе экономической, общественно-политической и творческо-духовной деятельности» [2]. Реализуя историко-системный метод, автор учитывал все элементы, входящие в объем поня-

Малащук Павел Владимирович, ст. преподаватель каф. социально-гуманитарных дисциплин Бобруйского филиала Белорусского государственного экономического университета. Беларусь, 213826, г. Бобруйск, ул. Советская 77/48.